

Конец июня. Посещение бывшей дачи экс-друга экс-Горбачева. До этого дача была местом обитания предыдущих вельмож. Меня и нескольких молодых людей из партии Жириновского привез сюда на поучительную экскурсию человек из Министерства иностранных дел. Я никогда не видел мест обитания советских вельмож. Придя в сознание в одной комнате, я так и ушел впоследствии от родителей из одной комнаты во взрослую жизнь, где меня тоже ждали... комнаты.

Как корабль, оснащенное палубами многочисленных террас и трюмами сауны, бассейна, гимнастических залов, стоит в старом сосновом бору неслепое, где трех-, а где и четырехэтажное сооружение. Бесплезно огромные спальни. Банкетный зал на черт знает сколько персон. Террасы. Самая огромная: асфальтирована! Мебель, очевидно лучшая из возможных, поражает своим вычурным мецанством едва ли не XIX века. Множество дверей, переходов, лестничных маршей, вешалок... Нет, однако, библиотеки, нет вообще ни единой книги! И как я ни старался, я не нашел ничего похожего на рабочий кабинет хозяина.

В настоящий момент дача необитаема и находится в ведении Министерства иностранных дел. Министерство собирает дачу сдавать за 22 миллиона в год. По-прежнему живет в глубине участка, если пройти по асфальтовой дороге, семья, обслуживающая дачу. К сосне привязана темная, неприятно-молчаливая, худая немецкая овчарка со злыми глазами.

У семьи лакеев свой дом о двух этажах, сам по себе приличная дача. Лакей-мужчина до сих пор стоворчив, послушен и заискивает перед человеком, приведшим нас. Женская половина семьи зло ворчит и время от времени отказывается выполнять приказания: отпирать ту или иную дверь. Она этого не произносит, но поведение ее ясно выражает следующий

и кабанов, и медвежатину поедали!»

Шофер свозил нас к Москве-реке. Мелкая, с быстрым течением и довольно чистой водой. Пустые гнезда ласточек ли, стрижей в обрыве на том берегу. На песке несколько групп купальщиков и купальщиц с холеными лицами и телами. Дети вельмож, их внуки? Искушались, мы вернулись.

шу АПН или Ассоциэйтед Пресс, чтоб вчитаться, на несколько часов приколоть... Я нашел великолепную светлую комнату на третьем этаже и, расхаживая по ней, думал: здесь он мог поставить себе «зирокс-машину», здесь — «факс», тут бы можно было поместить несколько телетайпов — чтоб получать новости прямо сюда. Здесь — стеллажи с нужными спра-

ра и потеряли они власть, задолго до 1985 года. Так живут неизбежно и наживают себе болезнь сердца небегающие охотничьи собаки.

Если чеховский Вишневы сад стал символом крушения помещичьей жизни, то дача партийного вельможи — символ одряхления партократии. Правящий класс-импотент, увы, изгнан с дач классом-полумпотентом. Когда я уезжал, шофер МИДа отвезил меня в Москву, через улицу в даче напротив ворота были настезь распахнуты. Рабочие сгружали с грузовика новенькие радиаторы. Многие десятки. «Утепляют-ся! — вздохнул шофер. — Мне бы один такой» «Чья дача?» — спросил я. Он назвал фамилию известного аппаратчика. «Во время революций первыми всегда овладевают властью те, кто при старом режиме был к ней наиболее близок. В 1789 г. аристократы были первыми, кто взял власть...» — вспомнил я слова Маркса. Разумное наблюдение это подтвердилось с тех пор множество раз, стало правилом. Главой первого правительства, сформированного после февральской буржуазной революции, был князь Львов, главы сегодняшних буржуазных и националистических республик, образовавшихся после буржуазного государственного переворота 21—24 августа, стали секретари ЦК и парт-вельможи: Ельцин, Кравчук, Шушкевич и иже. Но долго они в хозяйствах дач не удержатся. Закон исторического детерминизма неумолим. У злых и голодных неизбежно оказывается больше энергии и воли к власти.

Эдуард ЛИМОНОВ

ДАЧНИКИ

тест: «Ездят тут всякие! Нет на вас настоящего хозяина!»

Я попробовал углубиться в природу, в участок. Трудно. Когда воздвигали жилища вельмож, их воздвигли в лесу, разгородив лес на участки заборами. Я обнаружил гигантский ствол сосны, спиленный да и брошенный. Видны попытки распиливать ствол и убрать его. Но работа не закончена, распилы старые, перестройка и здесь не удалась. Отступились перед тяжелой работой. Будет гнить мощное дерево.

На чудовищной величины банкетном столе съели мы привезенные с собой жалкие наши припасы: колбасу, огурцы, помидоры и выпили пива. Из двери обшарили стол, я успел увидеть торжествующе-презрительные глаза прислуги. И спрятались. Вероятно, подумала: «Колбасу! На таком столе! Где гусей,

Я побродил еще по дому, пытаюсь понять: что за жизнь была тут у советских вельмож? Дачная, по Чехову, сытая и сонная. Завтракали, обедали, спали после обеда. Парились в сауне, пили водку и ликеры, принимали гостей, подолгу засиживались на террасе, сплетничая. Натирались мазями от комаров. Ездили купаться в Москверке. Окруженные толстыми детьми, смотрели в банкетном зале телевизор. Ну ладно, книги, предположим вывезли. Но никаких следов работы какой бы то ни было — умственной, физической — я не обнаружил. Давно не ремонтированные, стены, однако, девственно не тронуты: никаких следов кнопок ли, гвоздей ли — приколоть к стене карту, диаграмму, да, черт возьми, просто фотографию старых родителей, да последнюю депе-

вочными изданиями... Но нет, никаких следов работы я не нашел. Лишь следы праздности.

Вот как они потеряли власть. Вот здесь они потеряли власть, задолго до того, как ее вырвали у них из рук. (Их завистливые, менее ожиревшие, чем они, — замы и эксперты. Ельцины и юристы Собчаки).

Когда умер истовый тиран, не дававший отдыха ни себе, ни другим, чье окно светилось в Кремле до трех утра, партия стала быстро терять форму и обрывать жиром. Дотоле великолепный военно-монашеский орден — мускулистый и суровый, — партия изнежилась и всего лишь в тридцать лет стала организацией, возглавляемой дачниками. Здесь, в сытой жаре, под писк комариный, в пару сауны, под цветное мельканье телевизио-

22.9.92.

Э. Лимонов